

УДК 140.8:316.3-022.257]-029:[1+3]

И. Г. Утюж,

доктор философских наук, профессор
(Запорожский государственный медицинский университет)
utyh13@ukr.net

ORCID: 0000-0003-1152-0151

Н. В. Спица

кандидат философских наук, доцент
(Запорожский государственный медицинский университет)
spitsa16@gmail.com

ORCID: 0000-0003-1004-5774

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТРАВМАТИЗИРОВАННЫХ ОБЩЕСТВАХ СОВРЕМЕННОСТИ

(Світоглядні проблеми екзистенціальної невизначеності буття людини в
травматизованих суспільствах сучасності)

В статье дается социально-философский анализ мировоззренческих проблем современного украинского общества. Привязанность украинского народа к своему прошлому и активная его сакрализация, погружение в историю, приводят к очень смутному и неясному представлению настоящего и будущего нашего государства. Инфантильность, нежелание и неумение признавать зрелость, которая несет с собой рационализацию деятельности и ответственность за ее результаты часто является проблемой для развития травмированных обществ, к коим можно отнести и Украину. В рамках междисциплинарной методологии философии медицины предложено использование клинического метода для объяснения основ "взаимопонимания" в структуре "Я – Другой" и понимание факторов его отсутствия в современном украинском обществе. Используя экзистенциально-феноменологический подход, проанализирован феномен ницшеанского "забывания" как метафизическая основа понимания истории и возможность применения данного метода в рамках украинского общества для решения значительного количества социальных проблем и рисков.

В статье проанализированы ключевые детерминанты негативных процессов в современном украинском обществе: во-первых жесткая привязанность украинского народа к своему прошлому, вплоть до его сакрализации, что в свою очередь не дает возможность ясно представить настоящее и будущее украинского государства; во-вторых инфантильность, нежелание и неумение признавать зрелость, которая несет с собой рационализацию, ответственность и часто является проблемой для развития травмированных обществ, к коим можно отнести и Украину, поэтому крайне важно понимать, что ментальные коды, социокоды, вписанные веками в общество той или иной социальной группы должны быть изучены и задействованы в государственной политике. Данный анализ дает возможность обнаружить особо значимые мировоззренческие аспекты, влияющие на формирование будущего для государства в рамках его идеологических и политических стратегий.

Ключевые слова: взаимопонимание, клинический метод, мировоззрение, социокод, травмированное общество, экзистенциальная неопределенность, патология масс.

Сегодня мы находимся в том зыбком, текучем состоянии, где социальной заботой для современного человека становится поиск экзистенциальной безопасности, которая гарантировала бы ему реализацию порядка, повторяемости, предсказуемости в разных сферах социального бытия. Но реализация в современном обществе парадигмы "принципа справедливости" в построении социального (как индивидуального, так и общественного) стало абсолютной симуляцией и мы все больше теряем "климат доверия", который на протяжении десятилетий помогал сохранить человеческое в человеке и как результат оказываемся в экзистенциальной неопределенности.

В данной статье мы осуществляем попытку проанализировать основные мировоззренческие проблемы современных травмированных обществ на примере украинского государства. Данный анализ дает нам возможность обнаружить особо значимые мировоззренческие аспекты, влияющие на формирование будущего для государства в рамках его идеологических и политических стратегий.

Основные акценты мы бы хотели поставить на работах В. Волкана [1], Р. Ингхарта [2], М. Решетникова [3], К. Хельда [4], которые определяют мировоззренческую составляющую социума, как одну из главных сил, влияющих на реалии сегодняшнего и завтрашнего дня в рамках целых государств. Особый интерес для нас представляют работы, предлагающие новые методологические подходы к рассмотрению трансформационных процессов в социуме (М. Решетников) [3]. Так понятие "травмированное общество" вводится профессором В. Волканом. Но четкого определения понятия "травмированное общество" в его работах мы не находим. Содержательно презентует понятие травмируемое общество профессор М. Решетников. Автор отмечает, что при наличии в истории народа тяжелой психической травмы, связанной с массовым (национальным) унижением, закономерно, даже по истечению длительного периода времени, "вызревают" разнообразные ложные идеи, идеи отмщения, реванша – за свою "униженную" "несостоявшуюся" жизнь. Данный реванш возможен только при условии получения власти, той или иной частью общества и при наличии сопутствующих условий, а именно дополнительных негативных экономических, социальных или политических факторов. Автор указывает, что данные условия формируют непоколебимую убежденность "в своей правоте, избранности Богом, а также – в особой мессианской роли в сочетании с идеями гордости, величия и самопожертвования во имя искупления или отмщения, при этом такая "мессианская роль" может приобретать самые жестокие формы реализации" [3].

И В. Волкан и М. Решетников единодушны в определении механизмов манипуляции человеческим сознанием, которые порождают широкий диапазон патологий в деятельности масс. Те или иные массовые травмы имеются в истории почти всех народов, хотя нельзя не признать, что некоторым "повезло меньше". Отношение к этим травмам также сильно варьирует, и всегда определяется позицией государственной элиты, которая может, как последовательно минимизировать их роль в

национальном сознании, так и использовать их как инструмент влияния в своих узкокорыстных (экономических или политических) целях [1, 3].

Кроме того, интересные исследования в интересующей нас области были проведены в последнее время Э. Ордуханяном [5], Л. Микуланинец [7] которые рассматривают теоретико-методологические основы социальных, политических процессов в современных постмодерных общества. Авторы рассматривают институциональные, поведенческие, структурно-функциональные подходы, а также конфликт, дискурс и другие методы анализа социально-политических процессов. В их работах отмечается, что в постмодернизме гуманистическая тематика получает особую актуальность, что связано с социально-политической, экзистенциальной неопределенностью, доминированием массового сознания, потерей национальной и культурной идентичности. Для нашей статьи, интерес данных работ состоит в том, что авторы предлагают методологическую матрицу, которую можно использовать для аналитики в конкретном обществе, в конкретном политическом режиме. Анализ различных факторов формирующих мировоззренческие стандарты политических пространств, дает возможность анализировать причины формирования травмированных обществ.

В работе С. Йосипенко [6] автор анализирует проблемы использования описательного метода, что позволяет определить методологические границы и пределы украинского мировоззренческого социокода, что так же представляет большой потенциал для исследований в интересующей нас области.

И это только ряд исследований, доказывающих, насколько актуальным в сегодняшнем мире может быть исследование, посвященное мировоззренческим проблемам травмированных обществ, к которым можно отнести и украинское общество, раздираемое памятью нерешенных проблем прошлого и зыбкой неясностью будущего.

Все вышеизложенные исследовательские наработки представляют качественную методологическую базу для исследования реалий украинского общества. Необходимость философского осмысления фундаментальных изменений в сфере духовной жизни современного украинского общества, связанных с поиском путей социальной модернизации, продолжают оставаться актуальной проблемой для социально-философской науки Украины.

Восстановление духовных основ украинского социума невозможно без понимания связи настоящего с историческим прошлым, с его социокodem, в основании которого лежат традиции, ценности и моральные устои. Поэтому основными задачами нашего исследования будут:

- в рамках междисциплинарной методологии философии медицины предложить использование клинического метода для объяснения кризисных основ "взаимопонимания" в структуре "Я – Другой", почему отсутствует согласие между людьми, почему оно не возникает само собой;
- используя экзистенциально-феноменологический подход, проанализировать феномен ницшеанского "забывания", как инструмент для понимания истории;
- используя предложенную методологию, рассмотреть детерминанты негативных процессов в современном обществе и попытаться ответить на вопрос " что делать?", т.е. презентовать прикладную составляющую социально-философского исследования.

Начать нашу статью, в подтверждение сказанному хотелось бы с идеей Рональда Инглхарта [2: 15-18], который показывает, что мировоззрение определяется уровнем экзистенциальной безопасности. И данная модернизация носит не только технологический характер, но и социально-психологический, где ставится задача постижения индивидуального как тотальности. Автор отмечает, что общество, переживающее патологический социокультурный кризис, может быть квалифицировано как кризисный социум. В таких условиях значительно снижается уровень предсказуемости и стабильного состояния поведения людей. Для такого состояния характерен распад общества на множество индивидуальных элементов и в то же время появления множества мелких образований – национально-этнических, религиозных, сословно-корпоративных групп. Заметным явлением становится появление в обществе масс людей, выпадающих из активной общественной жизни (или как в случае украинской реальности, просто покидающих свою землю, в поисках лучшей жизни). Наступает период для общества, которому характерна аномия, фрустрация, авторитаризм в управлении, ужесточение следования традиционным культурным нормам, нарастание ксенофобии. В итоге модернизация идет медленно, низкий уровень развития сохраняется во многих местах.

Философские, социологические и политологические изыскания о важности Другого для человека не новы. Другой представляется для Я иной реальностью, вечно ускользающим миром (Ж.-П. Сартр), даром и проклятием человека, пытающегося ответить на самые главные и второстепенные вопросы своей жизни. Другой видится "не моим бытием" для Я. Это совершенно чужой для Я объект и субъект, который в то же время представляет из себя совершенно конкретную, крайне важную структуру "моего бытия". Именно благодаря Другому человек имеет возможность хотя бы подобраться к ответу на вопрос "кто Я?" Именно Другой, как новый (чужой) для Я онтологический феномен дает возможность сформировать собственную структуру, определить себя (воспринимая свои границы и отличия от Другого), оценить себя. Поэтому, начиная нашу статью, мы бы хотели подчеркнуть, что намерены рассмотреть структуру Я – Другой, скорее, как созидательную, жизненную необходимость социального мира, поместив ее "здесь и сейчас", в конкретные рамки современного украинского общества, существующего на фоне глобальных цивилизационных процессов.

С распадом СССР сформировалась совершенно новая, специфическая картина мира, новая сложная геополитическая, экономическая, культурная и социальная многослойность, в которой прогрессирует целый ряд конфликтов, которые, по большей части, исторически обусловлены. В данном контексте важно подчеркнуть, что мы рассматриваем скорее межкультурные конфликты без ярко выраженного этнического подтекста. На территории постсоветской Украины сложно найти яркие образчики именно межэтнических конфликтов. Население большей части территории нашей страны связано не только этнически, мы имеем общие ментальные ценности, прекрасно говорим и понимаем друг друга на украинском и русском языках. Но, тем не менее, именно наша территория по многим причинам превратилась в зону колоссального межкультурного конфликта, который по нашему мнению, был сформирован искусственно, делая граждан страны заложниками большой геополитической игры.

Анализ трансформации ментального пространства в новых социокультурных условиях является одной из важнейших задач исследования. Новое осмысление структуры менталитета и ментальности с позиции постнеклассической методологии дает возможность выявить не только содержание ментального пространства, но и механизмы его несущие, а также закономерности и направленность его динамики.

Степень интегрированности отдельных индивидов в общество, их социальной активности, адаптивности очень вариативна – и этот показатель очень значим в процессе формирования менталитета.

И тут нельзя не вспомнить о Ф. Ницше, который указывал, что главным для современного, активного, творческого человека является способность забывать, способность чувствовать в известных пределах неисторически [8: 165]. Это более важная и более первоначальная способность, это фундамент, на котором может быть построено нечто правильное, здоровое, великое, нечто подлинно человеческое. Неисторическое для Ф. Ницше, подобно окутывающей атмосфере, в которой жизнь создается лишь с тем, чтобы исчезнуть вновь с уничтожением этой атмосферы. Правда, благодаря способности использовать прошедшее для жизни и бывшее вновь превращать в историю, человек делается человеком, но в избытке истории человек снова перестает быть человеком, а без упомянутой оболочки внеисторического он никогда бы не отважился начать человеческое существование.

Следовательно, способность забывать, для Ф. Ницше, делается некой метафизической способностью, которая является лоном, порождающим всякое великое деяние. Как указывает философ, ни один художник никогда не напишет своей картины, ни один полководец не одержит победы, ни один народ не завоеует свободы, если они в подобном внеисторическом состоянии предварительно не жаждали этой цели и не стремились к ней [8: 165].

И так, без способности к забыванию, мы не могли бы существовать. Но как отмечают уже современные ученые в сфере психиатрии и психологии: "Наша психика устроена так, что наиболее тяжелые, мучительные или непереносимые воспоминания вытесняются из сознания. Но когда мы говорим "вытесняются", это значит, что не произошло их естественного забывания, то есть во всех подобных случаях речь идет о том, что "и помнить невозможно, и забыть нельзя". И говорить об этом нельзя. И даже думать нельзя. Эти мучительные воспоминания актуально как бы (даже не "как бы", а реально) отсутствуют в сознании, но тем не менее определяют значительную часть поведенческих реакций и мотивов сознательной деятельности, а применительно к большим массам людей — мифологию, литературу, искусство, политику, отношение к самим себе, своим лидерам, а также историческим обидчикам" [3].

Современная социальность, сформированная на принципах постмодерной идеологии выдвигает новые требования к осмыслению происходящего сегодня. Наиболее акцентированно эти признаки проявляются в самосознании молодежи, как новой социальности, как носителей особой идентичности, которая воспринимает мир уже в большей степени космополитизма, нежели националистических привязок, через реализацию высших смыслов бытия, когда свою жизнь нужно "положить на алтарь нации" (А. Барт) [9]. В данной социально-онтологической матрице и возникает конфликт интересов: "отцы и дети", "власть и личность", которые презентуют патологию исторического,

социального, психического и бесконечного хаоса, за которым не видно будущего и поэтому уровень тревоги и неопределенности постоянно нарастает. Постепенно формируется патология масс, которую М. Решетников и В. Волкан называют феноменом травматизированного общества.

Сколь жестко мы бы не структурировали научные специальности и предметные поля, междисциплинарность уже "вошла в наши двери". Сколь бы ни были милы нашему сердцу покой и уют фактуально-организованного мира, уже невозможно игнорировать его непокорную стохастичность.

Данные идеи в условиях современных междисциплинарных методологий формируются в концепции травматизированных обществ, и передачи травмы следующим поколениям. Как уже отмечалось, одним из авторов данной концепции есть психиатр Вамик Волкан.

Автор фокусируется на анализе индивидов, которые либо в ранние годы пережили некие драматические внешние события, либо стали реципиентами задач, передающихся следующим поколениям и доставшихся им от родителей или других предков, переживших глубокие травмы. Такие индивиды, сами пережившие определенные травмы или получившие задачи, связанные с травмами других людей, часто актуализируют свои патогенные бессознательные фантазмы [1: 133].

На самом деле, травма как таковая не передается. У ребенка, который не присутствовал или даже еще не родился на момент переживания родителями их травм, нет реального опыта, с которым столкнулись представители прошлого поколения. Единственное, что передается ребенку во взаимодействии ребенок-мать, это аффективные и когнитивные отклики прошлого поколения на травму и, что более важно принадлежащие прошлому поколению травматизированные образы самости и объекта [1: 158]. В контексте этого приходят на память слова К. Ясперса, что каждый человек есть то, что он есть, и только потому, что в свое время был заложен совершенно определенный исторический фундамент [10].

Очевидно, что человек – существо виртуальное, поскольку он никогда не реализуется полностью, поскольку его существование никогда не совпадает с сущностью, поскольку он действует в настоящем, а существует в прошлом. О настоящем мы можем сказать, что оно "было", а о прошлом – что оно "есть". В таком понимании, как отмечает Ж. Делез, прошлое сливается с бытием в себе. Я сам – это мое прошлое [11: 135].

Вот здесь и заключается та социо-психологическая проблема, которая активно используется властью. В условиях нестабильности и неопределенности, ухода от экономической действительности, от реальных материальных проблем конкретного человека, власть активно использует "образы врагов", чтобы держать массы в напряжении, в состоянии перманентной мобилизации. Прямым следствием таких тенденций есть уничтожения взаимопонимания между людьми, между разными социальными группами, этносами, нациями, конфессиями.

Итак, ницшеанская идея о способности забывать обретает совершенно конкретный смысл, несущий конкретные задачи для современного травматизированного общества, коим, увы, можно честно назвать и наше украинское общество. А смысл в том, чтобы дать понять травматизированному обществу и, непосредственно, руководящим силам

такого общества – что именно необходимо делать. Возможность забывать прошлое не связана со слепым вытеснением произошедших событий в бессознательное, которое иногда на более мощном, чем сознательный уровень, влияет на человека и общество в целом. Способность забывать социально-исторические травмы, о которой говорит Ф. Ницше – это самое мудрое отношение к урокам истории, когда, получая опыт, формируя себя под действием внешней среды, делая выбор, мы, тем не менее, не цепляемся за прошлое, а идем вперед. Самое главное – осознанно принимаем тот факт, что вектор направлен лишь в одну сторону. Никаких спиралей и возвратов не будет в чистом виде, все изменяется и не возвращается на то же самое место. Изменяются условия жизни, технологии. Узнаваемой остается лишь сама природа человека, которая, возможно ошибочно, и дает эффект повторения истории.

Мы не отрицаем тот факт, что многие могут воспринять данную идею слишком противоречивой – привычка к традиционному взгляду на историческую память настолько сильна, что в призыве "забывать" можем увидеть лишь пренебрежительное отношение к урокам истории. Но это совсем не так. Ницшеанское забывание предполагает стремление вперед, а не назад. Такой акт возможен при условии, что человек готов принять новое, будущее, оставив за плечами все свои свершения и поражения. Ведь сама идея Ф. Ницше о вечном возвращении есть идея не о возвращении того же самого, а только о самом возвращении. Существуют разные герменевтические взгляды на то, что имел в виду Ф. Ницше в своей идее вечного возвращения. Рискнем предположить, что речь идет о необходимости понимать и помнить законы истории, но никак не цепляться за саму историю с рядом событий, покрытых слоем ментальных кодов и идеологий.

Рассудочное понимание, принятие прошлого для отдельно взятого человека (о чем говорит нам психоанализ) дает возможность освободиться от его подсознательного давления на наше Я и нашу реальную социальную жизнь. Но, если забывание истории просто симитировано, тяжелые психические травмы просто вытеснены в бессознательное, значит остается продуктивная почва для постоянного влияния и управления, буквально зомбирования человека, социума, народа. Будущее, которое формируется идеологией, заинтересованной в том, что бы лишь держать в повиновении, так же формируется на основе бессознательных ментальных кодов, а значит такое будущее по своей сути – прошлое, слегка завуалированное в новые краски и смыслы. И это значит, что государство с такой идеологией симуляции будущего обречено попадать все в те же капканы собственных иллюзий, не быть в состоянии развиваться и жить на равных с теми, кто сумел преодолеть петлю времени и выйти в настоящее будущее. Оно не может формироваться на основе мифов и ментальных кодов, оно формируется исключительно осознанно – четко осознавая реалии сегодняшнего и от этого четко формируя то будущее, которое мы можем и хотим строить, где уже завтра мы будем жить.

Другой вопрос, что с реальным Я, Я сегодняшним надо еще научиться встречаться и контактировать. Человек, погруженный в мир мифов и фантомов прошлого, не ценит того, что он уже вышел победителем, находясь в сегодняшнем. Ведь не всем удалось прибыть в Здесь и Сейчас, а те, кому это удалось являются носителями огромного багажа опыта, но ценность не в багаже, а в человеке, который этот опыт приобретал. Так и с государством – ценность не в том, что когда-то было, а в том, что это Было

участвовало в формировании Сейчас. Именно здесь и сейчас сегодняшние конкретные граждане государства, унаследовавшие исторический опыт и экономический потенциал имеют ценность, они и формируют будущее страны. Формирование будущего ими возможно исключительно на осознанном уровне и четком понимании, что есть прошлое, а что настоящее. Только юная Джульетта могла взывать к Ромео: "Deny the father and refuse the name" (Romeo and Juliette, W. Shakespere), но это глупо и не корректно с точки зрения этики, логики и историзма. Тем не менее, постоянное апеллирование к родителям, к историческому прошлому указывает на инфантильную и несформировавшуюся личность. То же и с целым государством – апеллирование к предкам, прошлым историческим свершениям, бравоирование свершениями давно ушедших лет и полная безучастность к сегодняшнему, неумение и нежелание четко определить вектор будущего развития – яркий показатель либо инфантильности, либо стареющей немощи целой страны. Однако, отказ от родителей и имитация отсутствия прошлого не менее опасны для личности. Взрослая сформированная личность несет свой собственный багаж прошлого за плечами, но смело идет с этим багажом в будущее.

Клаус Хельд, известный профессор Университета Вупперталя, автор фундаментальных книг по творчеству Е. Гуссерля, феноменолог, дает общие методологические представления о феноменологии мира, о концепции мира, в котором политическая составляющая и мир жизненного пространства субъекта образуют "мост" взаимопонимания [4]. Взаимопонимание, как конвенциональное понимание политического, инвариантное смысловое ядро, представленное еще Аристотелем – "стремление к совместному жительству". В данном принципе заложена тема интересов, конфликт интересов индивидов и общественных групп, а так же проблема их согласования с целью межкультурного, межэтнического взаимопонимания в диалоговой структуре современного мира "Я – Другой".

"Точка зрения" - пространственное значение, указывающее на то, что человек привязан, посредством своего тела, к определенному месту с которого он что-то видит. То есть, существует некое место Здесь, которое Я никогда не может покинуть (не в физическом, а в ментальном плане). "Мое неотъемлемое Здесь – то первое, что напрочь отделяет меня от других, поскольку со своей стороны они привязаны к своему сопутствующему Здесь." [4]. И поэтому К. Хельд глубоко уверен в том, что Я никогда не может занять место Здесь другого человека. По сути, такого места для Другого просто не существует, оно обладает почти картезианскими качествами – Я его мыслит и именно поэтому оно существует, но стоит кому-то другому попытаться помыслить нечто подобное, как Здесь ускользает, теряя свою онтологическую сущность.

Интересным моментом в диалогово-жизненной структуре "Я-Другой" К. Хельд презентует наличие опыта, ценностей, ментальных особенностей, используя аналогию "за спиной". Автор пишет: "К моей телесной (leibliche) привязанности к сопутствующему здесь принадлежит также и то, что я постоянно имею что-то "за спиной". Хотя я могу повернуться и обратить свой взгляд на то, чего раньше не мог видеть, поскольку это было позади меня, однако я ничего не могу поделать с тем, что к тому здесь, которое я не могу покинуть, принадлежит область того, что находится позади меня, и эта область по сути своей недоступна моему взгляду. Эта область позади меня также сопутствует всем моим движениям – независимо от того, о

каком движении идёт речь. Образно выражаясь, я ношу эту область на спине, как рюкзак, который никогда не могу снять" [4: 5-6]. На последнюю фразу мы обратим особое внимание, потому что именно такое образное выражение, смысла жизненного пространства к которому привязан человек, используя междисциплинарную методологию объяснить конфликт интересов и отсутствие понимания в современных обществах постсоветского пространства. Вроде бы и культурные ценности одинаковые, и ментальные коды общие, но есть тот самый заплечный багаж, который каждый собирает единолично. Помноженный на культурные ценности собственный рюкзак "здесь" и создает нечто совершенно уникальное для человека, что делает его Другим для всех остальных. Автор указывает, что "рассмотрение" "спереди" невозможно не только потому, что пространственно находится у меня за спиной, но и потому, что лежит позади меня во временном смысле" [4: 6]. Данный смысловой аспект подчеркивает только одно – мировоззренческая модель, нами однажды выстроенная, закрепляется в привычках намертво. "В моей жизни, конечно, имеется прошлое, которое я могу, так сказать, рассмотреть спереди, т. е. сделать его предметом внимания, когда я специально вспоминаю о каком-то определённом прошлом. Но существует и другой род прошлого, а именно прошлое, которое я всегда ношу с собой, как тот рюкзак, и которое никогда не могу увидеть как таковое" [4: 6].

Как подтверждение данного тезиса мы фиксируем мировоззренческую модель современного украинского общества: жить в модели прошлого прошлым. Футуристически-прагматическая модель, которая могла бы вывести нас в прогрессивное развитие, к сожалению, современной идеологией власти даже не формируется. Ибо, манипулирование привычкой неполноценности регулирует жизнь Я и жизнь Других.

Клаус Хельд указывает, что данный механизм власти формирует "настроение повседневной жизни, которым наполнена привычность, составляющая мой мир у меня за спиной" [4: 8].

Автор отмечает факторы, которые влияют на формирование глубинного настроения в отношении с Другим к которым относит, прежде всего, историческую ситуацию человеческого сообщества, генетическое своеобразие этих людей и географическое положение региона с соответствующим климатом. Формирующиеся нравы и нормы играют решающую роль в обоюдном усилии по убеждению других в ситуации совместного действия.

Итак, на данный момент имеем народонаселение, численность которого угасает, увы, почти в геометрической прогрессии, которое самоотверженно несет за спиной свой основательный рюкзак личной истории помноженной на общие ментальные коды, исторические традиции и, увы, мало что сейчас видит впереди себя. А ситуация, когда есть незримый, но осязаемый багаж и глубокое непонимание куда ты его несешь, согласитесь, весьма неконструктивна и вынуждает все более активно всматриваться в линию горизонта с одной целью – увидеть Другого. Для того, что бы этот Другой через свою чуждость, отличие от нашего Я дал нам возможность хоть что-то понять о себе. Мы крайне остро начинаем нуждаться в со-бытии с Другим (пусть и крайне враждебном, это даже лучше), хотим встретиться через другого с самими собой. Вот тут и открывается прекрасная возможность манипулирования нашим Я теми, кто уже давно противопоставил себя украинцам. Как это не странно и как это ни страшно, данное противопоставление часто завуалировано под

"маской" европейских ценностей, манко обещая народу социальную защиту и процветание "как в цивилизованной Европе", манипулятивные технологии уводят в еще большее забвение и замешательство. Почему? Скорее всего, потому что совершенно игнорируют тот багаж, который существует, представляет для нас ценность бытия Здесь. Эта категория манипуляторов ловко удовлетворяет нашу потребность в Другом, но совершенно не учитывает тот факт, что Другой нужен только тогда, когда есть хотя бы намек на Я. Уничтожая, нивелируя или пытаясь основательно видоизменить наш заплечный рюкзак смыслов, уничтожается и необходимость Другого. Наблюдаем порочный замкнутый круг, в котором существует тенденция тихого и методичного уничтожения целой нации.

У каждой страны должна быть своя геополитика, свой геополитический код. Государства рождались и умирали, имея целую систему геополитических смыслов, в которых было вписано понимание того, кто друг, а кто враг, с кем бороться, а с кем искать союза и заключать альянсы, четкая корреляция того, кто слабый и может быть поглощен, а кто силен и агрессивен, а поэтому весьма опасен. Что мы видим в рамках существующей современной Украины? Явную имитацию геополитики, когда карты так спутаны и неясны, что становится понятным только одно – нам все сложнее искать тех, кто слабее, а список тех, от кого мы зависим, увеличивается быстрее, чем мы того желаем.

"Контрольный выстрел" в целостность государства, последний вздох национальной геополитики – анонсирование планов по продаже самого главного, на чем и стоит вся геополитика (начиная с самого термина) – земли (греческое слово Γαῖα (Gaia)- земля). Нет земли или земля в руках иностранцев или транснациональных корпораций – нет никакой политики, а значит, и государства нет.

Прибавим к этому маленький, но такой важный и красноречивый момент нашей культурной идентичности о котором знает каждый уважающий себя студент, прошедший базовый курс философии в любом украинском университете – антеизм. Рожденный еще в культуре Киевской Руси, воспетый Григорием Сковородой и Пантелеймоном Кулишом, активно подтверждаемый каждым вторым, а то и первым художественно-литературным произведением украинских авторов, антеизм говорит нам о том, какое важное место в нашем багаже Здесь, в нашей собственной структуре бытия занимает земля.

Антеизм – часть природы любого народа, имеющего многовековую историю аграрной культуры. Данный социокод сформировывался на базе земледельческих культур, обожествляющих землю-кормилицу. С архетипом Матери-Земли связаны метальные коды и социокоды украинского народа. Особо интересно – ряд исследователей утверждает, что значение природы и, непосредственно земли для украинцев стал скорее проблемой и проклятием, чем положительной стороной. Плодородность украинских черноземов привела народ к социальному фатализму – склонности ожидать социальных благ, как даров природы, которые должны самостоятельно снизойти на людей.

Антеизм, вписанный в социокод украинского народа накрепко идентифицирует его с землей, обещая через нее блага нынешним и будущим поколениям. Только вот этого оказывается ничтожно мало для современного мира, в котором на этой земле необходимо строить будущее, осознанно принимая свою ментальность и разумно выстраивая политику. Поэтому, в ситуации потери Украиной самого материального, самого

базового принципа существования украинского народа – земли, теряется основа не только государства, теряется основа культуры, разрушаются архетипы. Это уже даже не травмированное общество – это полное его уничтожение. Нет "запечного рюкзака" прошлого, нет самоидентификации, отсюда невозможен диалог с Другим. Никакого взаимопонимания в диалоге быть не может там, где одна из сторон просто исчезает. Замкнутый круг – нет Другого нет и Меня, но нет Меня и Другого больше не существует. Происходит полное разрушение и уничтожение народа, нации, государства.

В качестве выводов хотелось бы просуммировать:

1. Привязанность украинского народа к своему прошлому и активная сакрализация его, погружение в историю, приводят к очень смутному и неясному представлению настоящего и будущего нашего государства. Инфантильность, нежелание и неумение признавать зрелость, которая несет с собой рационализацию и ответственность часто является проблемой для развития травмированных обществ, к коим можно отнести и Украину. Для решения этого вопроса на государственном уровне стоит пересмотреть отношение к идеологии, часто бравирующей прошлым и мало апеллирующей к реалиям современного глобального мира. Необходимо рациональное осознание собственной самости и ответственности за будущее, принятие во внимание того факта, что для будущего страны важнее осознание Здесь и Сейчас, а не Там и Тогда в прошедшем времени.

2. Крайне важно понимать, что ментальные коды, социокоды, вписанные веками в общество той или иной социальной группы должны быть изучены и задействованы в государственной политике. Пренебрегать тем, что только на первый взгляд кажется весьма метафизичным и мало важным, крайне опасно. Например, украинский антеизм играет крайне важную роль в жизни народа и на данном этапе. Привязанность украинца к земле, идентификация с ней означают возможность самопознания и самовосприятия через принадлежность родной земле. Дают возможность и понять Другого, вести с ним диалог, искать взаимопонимания. Отсутствие родной земли, потеря идентичности приводят к уничтожению украинского народа не только в реальности геополитики и экономики, но и в плоскости культуры, на уровне бессознательного. Полностью уничтожают украинский народ.

ЛІТЕРАТУРА

1. Волкан В. Расширение психоаналитической техники: руководство по психоаналитическому лечению. СПб.: «Восточно-Европейский Институт Психоанализа», 2012. 352 с.
2. Ингхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Издательство «Мысль», 2019. 347 с.
3. Решетников М. Клинический метод в изучении и разрешении межнациональных конфликтов (Социально-историческая психиатрия) //Режим доступа: https://psy.su/content/files/antiterror_reshtn.pdf (Дата звернення 11.04.20).
4. Хельд К. Возможности и границы межкультурного взаимопонимания // Философско-культурологический журнал ТОПОС № 3 (14). 2006. С. 5–17.

5. Ordukhanyan E. A Comparative Study of Political Process: Theoretical and Methodological Issues // *Wisdom* 2 (13). Yerevan. 2019. С. 39–51.
6. Йосипенко С. Національні філософські традиції як предмет історико-філософської рефлексії. // *Sententiae*. 2014. 30(1). С. 52-61. Режим доступу: <https://doi.org/10.22240/sent30.01.052> (Дата звернення 11.04.20).
7. Mykulanynets L. M. Image of human in the Postmodern epoch. // *Anthropological Measurements of Philosophical Research*. 2019. № 16. С. 43-54. Режим доступу: <http://ampr.diit.edu.ua/> (Дата звернення 11.04.20).
8. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. О пользе и вреде истории для жизни. М.: Мысль, 1990. 829 с.
9. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
10. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. 851 с.
11. Делез Ж. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М., 2000. 342 с.

REFERENCES (TRANSLATED & TRANSLITERATED)

1. Volkan, V. (2012). *Rasshirenie psikhoanaliticheskoy tekhniki: rukovodstvo po psikhoanaliticheskomu lecheniyu [Extending Psychoanalytic Technology: A Guide to Psychoanalytic Treatment]*. SPb.: «Vostochno-Evropejskij Institut Psikhoanaliza» (in Russian).
2. Ingkhardt, R. (2019). *Kul'turnaya e`volyucziya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivaczii i kak e`to menyaet mir [Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World]*. M.: Izdatel'stvo «My`sl`» (in Russian).
3. Reshetnikov, M. *Klinicheskij metod v izuchenii i razreshenii mezhnacional'ny`kh konfliktov (Soczial'no-istoricheskaya psikhiatriya). [Clinical method in the study and resolution of international conflicts (Socio-historical psychiatry)]*. E-resource. Access mode: https://psy.su/content/files/antiterror_reshtn.pdf (Last accessed: 11.04.20.) (in Russian).
4. Khel'd, K. (2006). *Vozmozhnosti i graniczy` mezhkul'turnogo vzaimoponimaniya [Opportunities and boundaries of intercultural understanding]*. *Filosofskokul'turologicheskij zhurnal TOPOS*, Vol. № 3 (14), 5–17 (in Russian).
5. Ordukhanyan, E. (2019). A Comparative Study of Political Process: Theoretical and Methodological Issues. *Wisdom* Vol. 2 (13), 39–51.
6. Josipenko, S. (2014). *Naczi`onal'ni` fi`losofs`ki` tradiczi`yi yak predmet i`storiko-fi`losofs`koyi refleksi`yi [National philosophical traditions as a subject of historical and philosophical reflection]*. *Sententiae*. Vol. 30(1), 52-61. E-resource. Access mode: <https://doi.org/10.22240/sent30.01.052> (Last accessed: 11.04.20) (in Ukrainian).
7. Mykulanynets, L. M. (2019). Image of human in the Postmodern epoch. *Anthropological Measurements of Philosophical Research*. Vol. 16, 43-54. E-resource. Access mode: <http://ampr.diit.edu.ua/> (Last accessed: 11.04.20).
8. Niczsche, F. (1990). *Sochineniya v 2 t. T. 1. Literaturny`e pamyatniki. O pol`ze i vrede istorii dlya zhizni [Literary monuments. About the benefits and harms of history for life]*. M.: My`sl` (in Russian).
9. Bard, A., Zoderkvist, Ya. (2004). *Netokratiya. Novaya pravyashhaya e`lita i zhizn` posle kapitalizma [Netocracy. The new ruling elite and life after capitalism]*. SPb.: Stokgol'mskaya shkola e`konomiki v Sankt-Peterburge (in Russian).
10. Yaspers, K. (1997). *Obshhaya psikhopatologiya [General psychopathology]*. M.: Praktika (in Russian).
11. Delez, Zh. (2000). *Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyakh. Bergsonizm. Spinoza [Kant's critical philosophy: doctrine of abilities. Bergsonism. Spinoza]*. M. (in Russian).